FUJIMARU

БОГ СМЕРТИ ЗА ТРИСТА ИЕН В ЧАС

Спасители душ на полставки

Лисье чаепитие. Книги, исцеляющие душу

Fujimaru

Бог смерти за 300 иен в час

«Эксмо»

2017

УДК 821.521-312.9
ББК 84(5Япо)-44

Fujimaru

Бог смерти за 300 иен в час / Fujimaru — «Эксмо», 2017 — (Лисье чаепитие. Книги, исцеляющие душу)

ISBN 978-5-04-257320-0

Эта история началась в один дождливый летний день. Юноша, утративший надежду, внезапно услышал: «Похоже, ваша жизнь зашла в тупик. Может, вам помочь? У меня есть для вас идеальная работа». Жизнь старшеклассника Сакуры Синдзи рушится на глазах: травма ноги ставит крест на футболе, компания отца обанкротилась, родители развелись, долги все копятся, а найти подработку никак не удается. Сакура тонет в тревоге и безысходности, но в июньский дождливый день встречает человека в белоснежном костюме, который предлагает ему работу. Так на пороге дома Сакуры появляется его жизнерадостная одноклассница Юки Ханамори, которая назначает его на должность… синигами, то есть бога смерти! Зарплата — гроши, условия работы — просто ужас, да и вообще, кто в такое поверит? И все же от безысходности юноша соглашается на сомнительную подработку. Лишь позже он понимает, что ему действительно предстоит помогать застрявшим между жизнью и смертью душам отпустить сожаления и уйти на тот свет. А заодно, переживая бесконечные встречи и прощания, самому переосмыслить значение жизни. Японская книга в трендовом жанре healing novel про двух старшеклассников, работающих синигами и помогающих застрявшим между жизнью и смертью душам отправиться в иной мир. Трогательные и душераздирающие истории людей раскрывают темы памяти, сожалений и прощаний. Они помогают понять важность ценить моменты счастья и находить смысл жизни даже в условиях неизбежных потерь. По новелле существует манга, а в октябре 2026 года ожидается выход японской экранизации. На родине продано более 250 000 экземпляров.

УДК 821.521-312.9

ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-257320-0

© Fujimaru, 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог 7
Глава 1 8
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Fujimaru
Бог смерти за 300 иен в час

© 2017 Fujimaru
© Пунегова А., перевод на русский язык, 2026

Пролог

Был в моей жизни один короткий, но странный период.

Под снежинками, что тихо сыпались со светлого неба, в мире эфемерном, хрупком, будто готовом исчезнуть в любой момент, я обращался к нему – почти мраморному, безмолвному мальчику.

Я рассказывал, как стал синигами[1].

Хуже работы не придумаешь, если честно. Сверхурочные не оплачивались. Проезд тоже. Могли вызвать рано утром без особых церемоний. А главное – приходилось отправлять застрявших в иной мир. И все за какие-то жалкие триста иен[2] в час.

Триста иен. Да это просто смешно.

И, откровенно говоря, подработка была совершенно никчемная. Но…

– …Я все же хочу ее тебе посоветовать. – Мальчик стоял, словно каменный памятник, и я пытался вдохнуть в этот застывший силуэт жизнь.

Это худшая подработка в мире.

Но все же она подарила мне нечто невероятное.

Людей, которые исчезали у меня на глазах, и каждый из них – каждый! – оставлял после себя хрупкое сияние надежды.

– Я хочу, чтобы ты знал: в этом мире мне повстречались действительно прекрасные люди.

Наверное, эту историю уже больше никто не сможет поведать. Она как снежинка, что падает и тает, не оставляя следа. И все же я расскажу ее вам.

В мягкой пелене снега, крадущего звуки, я медленно переворачиваю страницу памяти.

---

[1] Букв. «бог смерти», персонифицированный образ духа смерти (здесь и далее – *прим. пер.*)

[2] По курсу на 2026 год – чуть меньше 150 рублей.

Глава 1
Я начал подрабатывать богом смерти

– Ну что ж, назначаю тебя синигами, – первым же делом заявила Юки Ханамори, едва я открыл ей дверь.

– Чего?..

Мы были одноклассниками, но найдется ли в этом мире человек, который спокойно ответит: «А, ну ясно», – когда такое выдает девушка, с которой он ни разу толком не разговаривал? Я, по крайней мере, точно не из числа таких.

Однако я догадывался, пусть и смутно, почему она это сказала. В памяти, отзываясь шумом дождя, всплыл вчерашний день. Если описать его одним предложением, то выйдет примерно следующее: «Что мне теперь делать со своей жизнью?»

Тревога и страх – внезапные, необъяснимые, пугающие своей неизвестностью. Ряды серых зданий. Темный водоворот расплывающихся зонтов. Неутомимый бой дождевых капель обо всех и вся. Людской поток. Не знаю, что именно стало причиной, но я, промокший, стоял перед пешеходным переходом, смотрел на блестящую от потоков воды разметку и чувствовал себя до отвращения уставшим от жизни, полной долгов и безысходности.

Капли июньского ливня казались тяжелыми, словно свинец.

– Ох, похоже, ваша жизнь зашла в тупик.

И тогда впереди, словно из ниоткуда, появился человек.

Белоснежный зонт. Белоснежный кардиган. Неестественно бледное лицо, жутковатая улыбка. И взгляд такой, будто меня давным-давно здесь поджидают. Пробрало до мурашек.

Как оказалось, предчувствие меня не подвело.

– Может, вам помочь? У меня как раз есть идеальная работа для вас.

Мужчина произнес это, стоя по ту сторону перехода. И, хотя его голос не должен был до меня долететь, почему-то слова прозвучали прямо у меня в голове.

Работа?..

По спине пробежал холодок, как если бы сердце сжали влажными пальцами.

Что же я тогда ему ответил?

Обладатель голоса, звучавшего так пугающе отчетливо, продолжал беззаботно-приветственно махать рукой.

– В ближайшее время пришлю к вам человека. Что ж, всего доброго.

В следующее мгновение его там уже не было. Он будто растворился в дожде, смешался с толпой. Его силуэт, улыбка, отпечатавшаяся у меня в памяти, – весь он легко исчез по ту сторону дождя. А я продолжал стоять и сам не заметил, как от сосущего под ложечкой чувства страха не осталось и следа.

Так состоялась моя первая встреча с чем-то воистину потусторонним.

* * *

И вот на следующий день эта встреча получила продолжение. В предзакатный час, около пяти вечера, небо неровно затянуло серым. Именно тогда я окончательно понял: вчерашний незнакомец мне не приснился.

– Прости за вторжение.

– Подожди… Почему ты вваливаешься без спроса?

– О, а у тебя довольно грязно.

– Обидно, вообще-то.

Но Ханамори-сан[3], не слушая, как ни в чем не бывало уселась перед низким столиком. Ее блестящие волосы сверкали, напоминая о солнечном свете, что пробивается сквозь листву. Ухоженное лицо было похоже на гладь чистого озера. Благодаря вечно жизнерадостной, улыбчивой натуре Ханамори-сан была невероятно популярна: всегда притягивала взгляды, всегда в кругу друзей, да еще модельная внешность и короткая юбка… Парни в школе буквально сходили с ума.

Меня пронзил ее взгляд, брошенный из-под длинных ресниц. Она сияла, как драгоценный камень. Легкие нотки ее духов – неясные, травяные, нежные – проникали в самое сердце. Наверное, она пришла сразу после уроков.

Не буду врать, вид белой кожи, выглядывавшей из-под рукавов школьной формы, немного смущал.

Однако… Ладно уж. Я быстро переключился.

– Сейчас все объясню. Я работаю в организации синигами. Мне сказали, что ты тоже к нам хочешь, вот я и пришла ввести тебя в курс дела. Для начала расскажу, в чем заключается наша работа. Наша цель – отправлять на тот свет застрявших, которые продолжают оставаться в этом мире, не сумев избавиться от сожалений. Наша цель – наполнять людей счастьем, а в дальнейшем сделать счастливым все общество и в итоге целый мир. Счастье – вот надежда, ради которой живет человечество! Счастье – вот священный свет всеобщих чаяний! И именно мы несем его в массы…

Ханамори-сан еще долго трещала на эту тему. Совершенно не трогающий душу бред про «счастье то, счастье се». Конца и края этим рассуждениям не было видно, и, естественно, в голове вскоре осталась лишь одна мысль: «Ага. Точно какая-то опасная ерунда».

Нет, ну сами подумайте. Старшекласснику, который по уши в долгах и рискует даже не окончить школу, внезапно является подозрительный тип, а на следующий день прямо к нему домой приходит красавица-одноклассница, хотя адреса, на минуточку, ей никто не давал. И тут же сражает пулеметной очередью про счастье. Все кристально ясно. Сейчас обязательно последует что-нибудь вроде: «Кстати, раз уж речь зашла – вот тебе ваза, бери! Всего за каких-то двести тысяч иен она принесет тебе счастье!» Не хватало только ребят в темных очках вокруг дома, тогда пазл сложился бы идеально. Как тут не насторожиться?

Кто вообще мог не подумать, что моя одноклассница связана с подозрительной сектой?

И, стоит полагать, все эти мысли слишком явно отражались у меня на лице, ведь Ханамори захихикала:

– Сакура-кун[4], ты сейчас думаешь, что я какая-то опасная девица, да?

– Да нет, ничего такого.

– И это ты называешь «ничего такого»? У тебя же все на лбу написано.

И правда, наверное. Ну, тогда извините.

Но Ханамори-сан, похоже, совсем не обиделась. Наоборот, заливаясь звонким смехом, сказала:

– Я тебя понимаю, тоже сначала так думала.

И после этих слов достала кое-что совершенно неожиданное.

В каком-то смысле вазы и картины были бы даже лучше.

– В общем, поставь, пожалуйста, подпись и печать вот на этих документах.

– Документах?..

– Ага. Трудовой договор для твоего найма.

Договор. Значит, теперь уже договоры пошли.

---

[3] Именной нейтрально-вежливый суффикс в японском языке. Применяется при общении людей равного социального положения, при обращении младших к старшим. Довольно близко соответствует обращению по имени-отчеству в русском языке.

[4] Именной суффикс в японском языке. Применяется при обращении к мальчикам, юношам, друзьям или коллегам равного или более низкого социального статуса.

– Если поставишь печать, официально станешь синигами на полставки. Срок – полгода. Работать будешь здесь, в городе и окрестностях. А я, как твой сэмпай[5], буду обучать тебя на практике. Так что рассчитываю на тебя! Ах да, зарплата выдается авансом каждый день. Есть вопросы?

«Синигами на полставки».

Все еще растерянный, я повторил про себя эти странные слова. Я понимал, что нельзя подписывать настолько подозрительные бумаги. И где-нибудь мелким шрифтом наверняка кроется ловушка вроде обязательной покупки вазы за двести тысяч.

Но все же слова «подработка» и «найм» задели меня за живое.

– Можно вопрос?

– Ага, давай.

– Сколько платят за эту вашу подработку синигами?

– Триста иен.

– Ты что, идиотка?

– Отличная реакция, Сакура-кун! – просто ответила Ханамори-сан на грубость, что невольно вырвалась у меня изо рта. – А ты забавный.

Да что ж тут забавного? Триста иен! Тут не до смеха. Вообще-то, уже на этом моменте у меня все внутри вполне могло бы окончательно сломаться, но я решил задать еще несколько вопросов. И быстро понял, что делать этого не стоило.

– А как у вас с рабочими часами?

– Для школьников – четыре часа в день. Хотя само понятие рабочего времени у нас довольно условное.

– В смысле? Бывают переработки?

– Ага. В некоторые дни и ранние смены бывают, и переработки.

– А за переработки платят?

– Нет.

– Чего? – опешил я.

– Я сказала: переработки не оплачиваются.

– Ни одной иены сверху?

– Ага. И, кстати говоря, смены выбирать тоже нельзя.

– Как это – «нельзя»?

Ханамори-сан посмотрела на меня как на дурачка.

– А транспортные расходы?

– Не оплачиваются.

– Соцпакет?

– Нету.

– Бонусы?

– Нет, конечно!

– А опла…

– Нет.

– Самая большая по площади страна Африки?

– Не… герия!

Попалась! Правильный ответ – Алжир.

Хотя тогда было не до идиотских викторин.

[5] Японский термин, означающий старшего товарища, более опытного коллегу или наставника в какой-либо сфере.

Нет, ну серьезно. На фоне этих условий даже «черные компании»[6], о которых рассказывают по телевизору, показались мне почти белыми. Все-таки недаром они зовут себя синигами – с такими только до смерти уработаться. Мерзким директорам-эксплуататорам до них далеко.

Сидящая передо мной Ханамори-сан расписывала условия работы так, будто ничуть не боялась, что ей откажут. И чем больше я об этом думал, тем смешнее мне становилось. Кто вообще согласится на такую подработку? Полная нелепица!

И тут Ханамори-сан добавила пункт, от которого все стало еще менее правдоподобным:

– Знаю, условия, конечно, ужасные. Но если ты отработаешь положенный срок, то сможешь подать заявку на надежду – это значит, что одно любое твое желание будет исполнено. Запомни это.

– Ага… – только и смог выдать я.

Серьезно, тут только «ага» и остается. Что еще за «надежда»?

В голове уже и без того каша от всех этих синигами и трехсот иен в час, а сверху еще добивают какой-то подозрительной штукой, способной исполнять желания. Как я должен был на такое реагировать?

– Ха-ха! Ты, похоже, начинаешь думать, что у меня совсем крыша поехала, да? – хихикнула Ханамори-сан.

– Ну, знаешь…

Пока я пытался осознать происходящее, время бессмысленно текло дальше. Наверное, после всего сказанного темы для разговора у нас закончились, потому что Ханамори-сан внезапно переключилась на совершенно обычную болтовню:

– Как тебе вчерашнее комедийное шоу?.. Современные комики по сравнению со старыми, конечно… А я бы на их месте вообще в одних трусах…

– В одних трусах?!

И вдруг резко, без перехода:

– Верить мне или нет – решать тебе. Вот все, что я могу сказать.

Затем:

– Пора мне уже. Завтра приду в это же время, так что до следующей недели! – И унеслась прочь, словно вихрь.

Я ошарашенно проводил ее взглядом и тяжело вздохнул, пытаясь понять, завтра она придет или все-таки на следующей неделе, после чего снова посмотрел на так называемый договор.

Нормальный человек, конечно, просто порвал бы его и выбросил.

Сразу уточню: я вовсе не поверил в бред про исполнение любых желаний. Знал, что скорее уж все закончится каким-нибудь идиотским выводом вроде: «Поздравляем! За полгода на этой адской подработке вы обрели позитивное мышление, которое поможет преодолеть любые жизненные трудности».

Нет, эти обещания мое сердце не тронули. И уж тем более я не собирался идти на поводу у какой-то подозрительной секты. Да и очарован красоткой-одноклассницей тоже не был. Просто… мгновенное трудоустройство. Аванс. Вот что никак не выходило из головы.

– Подработка синигами, значит… – тихо пробормотал я себе под нос в пустой комнате.

* * *

Мой родной город трудно назвать захолустным, но и процветающим – тоже. Такой обычный городок средней величины, о котором и сказать толком нечего. Если ехать по трассе на север минут десять, на вершине абсурдно высокого холма покажется моя старшая школа.

---

[6] Японский термин, обозначающий компанию, которая эксплуатирует или оскорбляет своих работников; придуман в начале 2000-х годов молодыми IT-специалистами, сейчас применяется к различным отраслям.

В душный конец июня ее расположение становится сущим проклятием. Всегда найдется тот, кто скажет, мол, она же на возвышенности, там хотя бы ветер прохладный. Но на деле солнце там будто еще ближе, так что жара стоит как и везде, а взбираться в такое пекло на гору – то еще наказание.

И вот, посреди урока всемирной истории, когда сонливость достигла пика, я вдруг задумался. То ли из-за вчерашнего странного разговора с Ханамори-сан, то ли просто так, но в голове всплыла короткая история из прошлого.

«Как я вообще до такого докатился…»

Я вздохнул, но так, чтобы не привлекать внимания. В тот момент я, конечно, был безнадежным лентяем без всякой мотивации, но это не значит, что я был таким всегда. Скорее наоборот, в детстве меня считали мальчиком с большим будущим.

В начальной школе тоже. Я был очень быстрым и благодаря этому довольно хорошо проявлял себя в футбольном клубе. Да, школа – это место, где учатся, но в то же время там всегда особенно ценят тех, кто хорош в спорте. Тогда я был звездой класса и жил жизнь, которую вполне можно было назвать счастливой.

И, хотя мне и неловко об этом говорить, у девочек я тоже был популярен. В средней школе даже встречался с девушкой, которая была менеджером[7] нашего клуба. Мы жили почти по соседству, поэтому вместе ходили в школу и обратно. Тогда я всерьез думал, что было бы здорово однажды на ней жениться.

Да-да, я был достаточно беззаботен, чтобы мечтать о таких вещах. А еще – слишком уверен в себе. Но это была не пустая самонадеянность: та девушка тоже, думаю, по-своему меня любила, а я искренне верил, что буду счастлив, и ни капли в этом не сомневался.

Но, как оказалось, тогда моя жизнь практически закончилась.

В пятнадцать лет я понял одну вещь: счастье замечаешь лишь тогда, когда его теряешь. В девятом классе я повредил ногу – и больше не смог нормально бегать. Именно тогда-то удача от меня и отвернулась.

Пересказывать все не буду, но примерно год назад моего отца, управлявшего собственной компанией, арестовали из-за одной идиотской истории. Компания, потеряв доверие клиентов, обанкротилась. Родители развелись. Мать вернулась к своим родителям, а со мной остались отец с мертвым взглядом, кое-как державшийся за новую работу, и огромные долги. Моя жизнь резко скатилась до того, что приходилось экономить даже на обедах.

– Трудовой договор, значит… – тихо бормотал я, чтобы никто не услышал.

Лучше бы мой отец был самым обычным человеком. Но до того как основать компанию, он был достаточно известным политиком. И потому удар, который пришелся по мне, его сыну, оказался особенно тяжел.

Предприниматели, боясь рисков, один за другим отказывались брать меня на любую подработку. Дело сильно усложняла и травмированная нога, из-за которой я не мог заниматься физическим трудом.

Я распродавал все, что только мог, но накопления продолжали таять. О поступлении в университет я давно уже перестал мечтать, но хотя бы окончить старшую школу… ради этого я каждый день сидел с калькулятором и подсчитывал расходы.

В общем, деньги нужны были позарез.

Ну, не то чтобы прямо позарез. Деньги мне были нужны, чтобы закончить одно дело. Даже не сотни тысяч – о, если бы я смог заработать хотя бы пятьдесят тысяч иен…

Большинство людей, услышав причину, наверняка ужаснулись бы: «И ради этого ты так стараешься?» Но для меня эти пятьдесят тысяч значили очень много.

---

[7] Обычно девушка, помогающая спортивному клубу с организацией, инвентарем, расписанием и поддержкой команды. Распространенный школьный образ в японской культуре.

* * *

Как ни посмотри, все в этой истории прямо-таки кричало о подозрительной секте. Люди, которые постоянно твердят о счастье, редко бывают нормальными. И вообще, при чем тут синигами? Они полная противоположность счастью.

Однако… пусть это и мошенническая религия, но там можно заработать немного денег… Тогда оставалось только задавить в себе здравый смысл либо отчаяться еще сильнее. Наверное, свою роль сыграло и то, что меня позвала именно Ханамори-сан – как-никак одноклассница. Знание, что в этой секте будет хотя бы один знакомый человек, немного успокаивало. К тому же после ареста отца одноклассники от меня отдалились, и то, что кто-то снова со мной заговорил, радовало.

В тот день на перемене я вдруг встретился взглядом с Сидзукой Асацуки. Легонько качнув головой, так что смоляные волосы красиво блеснули в движении, она украдкой мне помахала.

Сердце едва заметно дрогнуло – ведь уже давно никто не проявлял ко мне дружелюбия.

Так, чтобы этого больше никто не заметил, я едва заметно приподнял руку в ответ.

Сидзука Асацуки ответила мягкой улыбкой, и что-то давно забытое болезненно кольнуло в груди. В детстве я ни секунды не сомневался, что однажды добьюсь успеха. Верил, что я особенный. И, наверное, в каком-то смысле так и было. Я и правда оказался особенным.

Особенно никчемным.

Я поднял взгляд к небу за окном и достал из кармана договор. Еще раз проверил, не скрыта ли в нем ловушка, аккуратно сложил бумаги и снова убрал.

Возможно, раз я не порвал договор сразу, я уже подсознательно знал ответ. Просто мне нужно было время убедить самого себя. Наверное, именно это я и называл словом «подумать».

В итоге я все-таки его подписал.

Вернувшись из школы около пяти вечера, я первым делом проверил почтовый ящик, удостоверился, что там пусто, и тяжело вздохнул. А потом появилась Ханамори-сан.

– Жа-а-рко!– жаловалась она, обмахиваясь ладонью в районе груди.– Настолько жарко, что даже озеро Бива[8] испарилось!

Когда это озеро Бива успело испариться?..

– О, ты сейчас на мою грудь посмотрел? Сакура-кун, какой же ты развратник! – протянула она, и тогда я поклялся больше никогда не называть ее Ханамори-сан.

Повторю еще раз: я не поверил в каких-то там синигами. И уж тем более не поверил в бред про «любое желание». Просто в тот момент мне было все равно, чем зарабатывать. И еще я думал, что в случае чего всегда смогу просто уйти.

– Так, вот твои тысяча двести иен. Но за то, что пялился на мою грудь, штраф пятьдесят иен.

– И где же найти такие деньжищи…

Шутки шутками, а в руки мне действительно сунули первую зарплату – одну тысячу двести иен. И, как оказалось, работать я начинал уже сегодня.

Это меня даже не удивило. Гораздо сильнее было облегчение от того, что мне действительно заплатили, – и одновременно возникла легкая тревога от осознания, что я все-таки вляпался в очень подозрительную историю. В самом деле, ну разве предложат нормальную работу парочке школьников?..

Мы вышли из дома. Похоже, идти было недалеко.

Пока я вяло плелся рядом, Ханамори болтала о всякой ерунде:

[8] Крупнейшее озеро Японии, находится в префектуре Сига.

– У нас вчера на ужин была тэмпура[9]. Слушай, а что значит «пура» в слове «тэмпура»? Может, оно происходит от «пурана»?

Поскольку мне было совершенно неинтересно, я лишь лениво поддакивал:

– Может…

Ханамори Юки.

Если описывать ее еще раз, то прежде всего она была той, кого любили абсолютно все. Мы познакомились уже в старшей школе, оказавшись в одном классе на втором году обучения. Она относилась к категории популярных и «живущих полной жизнью» ребят.

Для меня, непритязательного одиночки, Ханамори была недосягаемым цветком на горной вершине. Максимум, что нас связывало, – случайно подслушанный разговор парней о том, просвечивает ли сегодня ее лифчик.

Она всегда улыбалась, была невероятно остроумной и, что важнее всего, очень милой. В тот день в школе она, как обычно, стояла в центре компании и веселила всех вокруг. Это было настолько привычным, что предложение уже казалось каким-то бредовым сном. И, как я и ожидал, она даже не попыталась заговорить со мной.

Но это ладно. На самом деле, несмотря на то что мы ни разу нормально не разговаривали, я почему-то ее недолюбливал. Даже сам не могу толком объяснить причину. Понимаю, прозвучит абсурдно, но, когда я вижу девушек, которые так смотрят тебе в глаза, становится не по себе от неясной опасности.

Может, она чем-то напоминала мне мать. Да и нечто опасное в одноклассница действительно было: в конце концов, именно она предложила мне странную подработку.

А еще…

– Эй, эй, Сакура-кун.

– М?

– Сакура-кун, а я тебе нравлюсь?

– Чего это вдруг?..

Ханамори вновь захихикала.

– Ну, знаешь, такая девушка, как я, без труда может очаровать всех парней в классе.

Среди тех, кто сам себя считает популярным, нет ни одного нормального человека. Источник этой мудрости – моя интуиция.

– Не то чтобы ты мне не нравилась, но и сказать, что я как-то особенно тебя люблю, тоже нельзя.

– М-м, вот как. Значит, тебе все-таки нравится Асацуки-сан.

– А… а?! – От шока у меня все слова из головы повылетали.

– Хе-хе, ты чего так орешь? Думал, никто не заметил?

– Да ты…

Ситуация внезапно стала критической. Я запаниковал и начал отчаянно оправдываться.

– Да что ты вообще несешь? Не нравится мне эта Асацуки…

– Она тебе нравится потому, что тихая?

– Да не в этом дело, и не нравится она мне!

– Тогда из-за красивых ног?

– Да не поэтому! Все вообще не…

– Ага. Конечно. Не поэтому.

– Вот именно! Я вовсе не…

– Потому что у нее большая грудь, да?

– Не вздумай говорить об этом Асацуки. Серьезно, даже не заикайся.

---

[9] Блюдо из рыбы, приготовленной в кляре и обжаренной во фритюре.

Прижав ладони к груди и ехидно ухмыляясь, Ханамори заставила меня невольно покраснеть. Да что с ней такое? Она что, всем парням может вот так спокойно говорить подобное? Мое лицо буквально пылало.

А она лишь легко рассмеялась, и ее улыбка в свете июньского солнца казалась ослепительной.

– Спрошу еще раз: я тебе нравлюсь?

– Нет.

– Даже несмотря на то что я милая?

– Именно.

– Даже в короткой юбке?

– Даже в юбке!

– А если говорить о Гэрэгэрэ[10] из «Драгон квест»?

– Это же пантера-убийца.

– Сакура-кун, а ты за Бьянку или за Флору?[11]

– Если уж выбирать, то скорее за Флору.

– А Асацуки-сан ведь похожа на Флору, да?

– Я же сказал, хватит об этом!

На мои бурные протесты Ханамори снова лишь рассмеялась. Черт, ощущение было такое, будто я проиграл.

А потом она с улыбкой добавила:

– Отлично. Значит, все-таки не любишь. Просто хотела убедиться.

А это еще что должно значить?

Мне стало любопытно, но разбираться не было сил, так что я просто пропустил ее слова мимо ушей. «И почему атмосфера такая расслабленная?» – задался я вопросом. А, ну конечно, подработка за триста иен в час. Разве такая может быть серьезной?

Вот так, перекидываясь подобными репликами и упрямо препираясь друг с другом, мы потихоньку шли дальше, а я напрочь забыл про вопрос, который собирался задать Ханамори с самого начала: «Почему ты вообще этим занимаешься?»

Оглядываясь назад, я понимаю, что спросить об этом стоило с самого начала. Тогда я, возможно, гораздо лучше бы понял суть дела. Кто вообще мог подумать, что подработка за триста иен в час в самом деле окажется работой синигами.

В тот момент я даже представить себе такого не мог.

– Сакура-кун?!

– А? А, да…

Когда мы наконец добрались до места назначения, я поднял глаза к небу, а затем недовольно покосился на Ханамори. В моем взгляде ясно читалось: «О чем ты думала?!»

– Хаюшки, Асацуки-сан! Познакомься: это Сакура-кун, мой коллега и большой любитель пышного бюста.

– Да хватит уже!

Асацуки растерянно захлопала глазами.

– Асацуки, прошу, ни о чем не спрашивай. Она несет ерунду.

Место, куда мы пришли, оказалось всего в двадцати минутах ходьбы от моего дома.

И этим местом, как ни странно, был дом нашей одноклассницы – Сидзуки Асацуки, которая встретила нас у входа уже не в школьной форме, а в простой легкой одежде. Пока мы оба

---

[10] Одно из имен персонажа пантеры-убийцы, который появляется в игре Dragon Quest.

[11] Знаменитый вопрос среди японских игроков Dragon Quest V. В игре герой выбирает одну из двух девушек – Бьянку или Флору, – и фанаты десятилетиями спорят, кто лучше.

стояли с совершенно ошарашенным видом, Ханамори как ни в чем не бывало начала объяснять:

– Итак, Сакура-кун, сразу к делу. Наше памятное первое задание – решить проблему Асацуки-сан. Ну что, готов?

– А? – выдал я.

– Э? – А это уже Асацуки.

Такого поворота мы оба не ожидали.

– Что это значит?..

Нет, серьезно, подождите. Я правда ничего не понимал. Как все к этому пришло? «Решить проблему Асацуки» – работа синигами? Да это какое-то издевательство!

Судя по всему, Асацуки думала примерно о том же. Когда мы внезапно завалились к ней домой, на ее лице отчетливо проступило замешательство. И неудивительно: в конце концов, когда одноклассники, с которыми ты почти не общаешься, приходят к тебе на порог и заявляют: «Мы пришли решить твою проблему!» – чувствуешь себя по меньшей мере неловко.

Запаниковав, я принялся лихорадочно придумывать оправдания:

– Прости, что так внезапно нагрянули. Понимаю, все звучит как бред, мы сейчас же уйдем, ей просто голову напекло…

И одновременно подумал, что не стоило соглашаться на эту идиотскую подработку. Да это и не подработка даже, а какие-то глупые игры Ханамори.

Но ситуация неожиданно переменилась.

– Вот оно что. Понятно…

Асацуки почему-то заговорила очень тихо, а потом вдруг посмотрела так, словно что-то для себя решила.

– Значит, Сакура-кун еще ничего не знает, – прошептала она, бросив взгляд на Ханамори и едва заметно кивнув.

«Они что же, все тут заодно?» – подумал я, не догадываясь, что скоро узнаю ответ.

– Прости, Сакура-кун, что мы вот так без всяких объяснений тебя позвали. Давайте начнем еще раз. Сакура-кун, Ханамори-сан… У меня есть проблема. Вы не могли бы мне помочь?

Серьезная Асацуки. Растерянный я. И Ханамори, которая с улыбкой за нами наблюдала.

Пока я безуспешно пытался понять, что происходит, Асацуки продолжила – и ее едва слышный голос был полон отчаяния:

– Я очень хочу сказать спасибо одному человеку. Пожалуйста, помогите мне.

Проблема эта оказалась одновременно очень простой и очень сложной.

– Я недавно уже рассказывала об этом Ханамори-сан. У меня есть сестра, младше меня на четыре года. Она болеет и плохо себя чувствует. В последнее время у нее постоянно… в общем, у нее диабет первого типа, – Асацуки запнулась, называя болезнь. – Это не смертельно, все не настолько ужасно. Нужно просто регулярно делать уколы инсулина. Но, понимаете, она сейчас прямо-таки живет в больнице, ее постоянно мучает тошнота – любой бы от такого устал. Поэтому она совсем замкнулась, вообще ни с кем не разговаривает. Я хочу хоть что-нибудь для нее сделать. Пожалуйста… вы можете помочь?

Наверное, их родители были на работе. Асацуки впустила нас в дом, провела в свою комнату, и там мы выслушали эту историю. Разумеется, я был потрясен. Я ничего не знал и даже представить не мог, что у Асацуки в семье такие сложности.

Мы с ней учились в разных начальных школах, так что я никогда не слышал, что у нее есть младшая сестра. Хотя, если подумать, подобные истории не такая уж и редкость. До меня часто долетало что-то вроде: «Старший брат одноклассника болен тем-то тем-то, лежит в больнице». В каждой семье случаются события, о которых не говорят вслух, и все такое, но… Если честно, меня занимал совсем другой вопрос.

Улучив момент, когда Асацуки поднялась, чтобы принести попить, я сразу же набросился на Ханамори с расспросами:

– Эй, что вообще происходит?

– М? А что такое?

– Ты мне тут не чтотакойкай!

И устроил настоящий допрос.

– Что все это значит? Где здесь работа синигами? Хотя ладно, плевать уже на этих синигами. Получается, мы должны решить проблему Асацуки и за это получить от нее деньги? Это не настоящая работа, а просто твое хобби? А Асацуки хоть знает, во что ввязывается? Она в самом деле это осознает и все равно тебе верит? И вообще, разве вы с Асацуки друзья? Я ни разу не видел, чтобы вы разговаривали в классе.

Еще «хватит все время наклоняться так близко ко мне», и «сейчас не время дурачиться», и «прекрати, я вовсе не краснею», и «хоть раз можешь нормально все объяснить» – все это я на нее и вывалил.

А в ответ на этот поток услышал… ну, примерно то, чего и ожидал.

– Все нормально, не паникуй так. Пока просто помоги Асацуки-сан. Скоро сам поймешь, что это за подработка такая.

Потом, словно между прочим, Ханамори с ехидной ухмылкой добавила:

– И вообще, тебе же нравится Асацуки-сан, да? Значит, это отличный шанс показать себя, хе-хе.

– Да хватит уже! И говори потише. Вдруг Асацуки услышит?

Судя по тому, что Ханамори знала о ее младшей сестре, они все-таки общались, и довольно близко. Значит, она и правда могла догадываться о моих чувствах к Асацуки. Но все равно, не надо лезть не в свое дело.

Пока я собирался с мыслями, Асацуки вернулась с подносом в руках, и пришлось переключиться обратно на разговор. И… черт. Я по-прежнему совершенно ничего не понимал, мне не нравилось происходящее, но, узнав о проблеме, просто взять и уйти тоже не мог. Я знал, что мне придется помочь, хотя, честно говоря, все это казалось лишней головной болью, а я вовсе не настолько хороший человек, чтобы выкладываться на полную ради чьей-то младшей сестры.

Однако ради самой Асацуки я был готов постараться. Я быстро проникся ее бедой, хотя и не мог ясно сказать, что за чувства испытывал к ней.

– Так, и что ты сама хочешь сделать, Асацуки? Ты говорила, что хочешь сказать спасибо, но…

– Прости, я и сама пока не совсем понимаю, как это объяснить, но, в общем, Сиори… Это моя младшая сестра, ее зовут Сиори… Я хочу сказать ей спасибо за все. Наверное, я не смогла стать для нее по-настоящему хорошей старшей сестрой, и, если получится, хотела бы попросить прощения.

– Хм…

То, как она это говорила, спрятав глаза и опустив плечи, заставило меня нахмуриться. Странные формулировки. Звучало так, будто она прощается с сестрой навсегда. В душе у меня зародилась легкая тревога. Асацуки же говорила, что сестре ничего не угрожает, так почему?.. Неужели она просто лжет, чтобы мы не волновались?

Слова «подработка синигами» вновь эхом отдались у меня в голове. Сами синигами, конечно, всего лишь выдумка, их не бывает. И все же неприятное предчувствие не уходило. Черт, это все из-за Ханамори, которая завела речь о каких-то богах смерти как о чем-то обыденном! Необъяснимое беспокойство давило, но было не время об этом думать. Даже если попытаться – ответов все равно не найти, а Ханамори, как обычно, ничего толком не объяснит. С первой минуты разговора она только и делала, что потягивала сок через трубочку.

А значит, все, что я мог сделать, – это хоть немного поднять настроение Асацуки. К тому же аванс я уже получил.

– Что ж, раз так, может, подарить ей что-нибудь? А пока она будет рассматривать подарок, сказать ей все, что хочешь.

– Ну надо же! Значит, Сакура-кун из тех парней, что дарят девушкам подарки?

– Ханамори, и почему ты именно сейчас решила вклиниться?..

– Подарок, значит… – протянула Асацуки. – Вообще-то я примерно знаю, чего ей бы хотелось.

– Правда? Тогда все становится проще.

По словам Асацуки, больше всего ее младшая сестра хотела модную сумку. Ну, вполне по-девчачьи. Хотя ценность таких вещей для меня – вселенская тайна.

– Но… дело не в этом, – вздохнула Асацуки.

– А в чем тогда?

– Ее главное желание не сбудется. Я просто знаю, что это невозможно.

– Ты про что-то вроде здоровья?..

– Нет, не совсем… Я не могу знать наверняка, но мне кажется, что для больного человека уже привычно состояние собственного тела.

Я мысленно отругал себя за то, что ляпнул не подумав. А Ханамори с улыбкой протянула:

– Ну во-о-т же. – И начала меня поддразнивать, что почему-то ужасно раздражало.

– Сиори хочет не вещь, а, как бы сказать, то, что всегда рядом, но люди обычно этого не замечают. Наверное, так. Ой, звучит совсем непонятно, да? Ну, не важно.

Мне, разумеется, стало любопытно, но, увидев неловкую, горькую улыбку Асацуки, я понял, что дальше расспрашивать не стоит.

Так мы еще какое-то время продолжали обсуждать разные идеи. Пытались придумать, как помочь сестрам снова сблизиться. Но, как известно, хорошие решения из воздуха не появляются, и в итоге время лишь незаметно утекало. В конце концов мы остановились на самой первой идее – поговорить, заодно преподнеся подарок.

Асацуки сказала, что хочет попытаться, – на том мы и сошлись.

– Уже поздно, так что подарок купим завтра. Тем более суббота, уроков нет. Я потом сразу в больницу, и, эм… не могли бы вы пойти со мной? Одной страшновато.

– Конечно. Будем рады помочь, Асацуки-сан.

– Спасибо.

Разумеется, ни у меня, ни у Ханамори не было причин отказываться. Мы обо всем договорились и решили расходиться по домам – время и правда было позднее.

– Для первого дня все прошло очень даже неплохо! Завтра тоже постараемся, рядовой Сакура! – выпалила, едва мы вышли, Ханамори, и, не став даже прощаться, тут же с озорной улыбкой убежала прочь. Я только успел додумать мысль, что девушке опасно ходить ночью одной, как она, завернув за угол, уже исчезла из виду.

Похоже, бегает она действительно быстро. И в хорошей форме. Интересно, может ли она… Я невольно почувствовал легкую зависть.

– Ну, тогда, Сакура-кун… увидимся, – проговорила Асацуки.

– Ага. До завтра.

Ее привычка говорить на прощанье «увидимся» никуда не делась. И то, как она махала рукой, тоже осталось прежним. Это была не та манера, которую она показывала в классе, постоянно думая о мнении окружающих. Нет, это была настоящая Асацуки – сдержанная, но очень мягкая. Именно такие мелочи мне в ней ужасно нравились. В них особенно ясно проявлялась ее трогательная неловкость. Если честно, мне не хотелось уходить, но предлагать девушке остаться с ней вдвоем в ее доме поздним вечером у меня, конечно, не хватило смелости.

Хотелось поговорить еще о многом, но я сдержался, решив, что этим только доставлю Асацуки неудобств.

– Тогда… до завтра.

– Угу. Увидимся.

Шагая по пустынной ночной улице, я вдруг понял, что в отличном настроении. И дело было вовсе не в подработке и не в деньгах. Я по-прежнему совершенно ничего не понимал ни в том, что должен делать, ни в Ханамори, но все это уже казалось неважным: просто впервые за долгое время я столько говорил с Асацуки. Одного этого оказалось достаточно, чтобы я почувствовал, словно у меня за спиной выросли крылья.

Но вот чего нельзя отрицать: когда человек счастлив, он быстро теряет бдительность. Начинает ошибочно, самонадеянно верить, что и завтрашний день обязательно будет замечательным. И если вдруг случается что-то хорошее, ему кажется, будто с этого момента и вся его жизнь поменяется к лучшему. Будто теперь все обязательно станет как надо, хотя на деле для такой уверенности нет никаких оснований.

Короче говоря: второй день подработки оказался просто ужасным.

Даже вспоминать не хочется, так что расскажу вкратце.

После полудня Ханамори снова пришла ко мне домой. Похоже, собиралась заранее выдать зарплату перед тем, как мы отправимся к Асацуки.

Я, конечно, был готов, что придется работать и в субботу, но, увидев выданные мне тысячу двести иен, невольно вздохнул: никаких надбавок за выходной или переработку, как и предупреждали. Успокаивало лишь то, что я делаю это ради Асацуки.

Затем мы отправились в торговый центр – выбирать подарок. Девушки весело щебетали между собой, а меня полностью оставили в стороне. Тогда все еще шло хорошо. Странным образом мне даже было уютно рядом с ними и совершенно не раздражало, что меня игнорируют.

А потом мы поехали в больницу – около получаса на автобусе. Стоимость проезда мигом превратила мои тысячу двести иен в восемьсот шестьдесят, и я даже начал переживать, хватит ли на обратную дорогу. Но почти сразу по приезде произошло нечто куда более серьезное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.